

УДК 821. 161. 1-1 Седакова. 09

М. Э. Звегинцова

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

**Взаимообращение
фольклорно-обрядового и церковно-библейского дискурсов
в стихотворении «Успение» О. Седаковой**

Звегинцова М. Е. Взаємозвертання фольклорно-обрядового та церковно-біблейського дискурсів у вірші «Успіння» О. Седакової. У статті здійснено аналіз вірша «Успение» («Успение») (1974), який репрезентує цикл «Із ранніх віршів» («Из ранних стихов») (1967–1975) О. Седакової. Дійшли висновків про ранню сформованість концептного словника лірики О. Седакової, що має явно виражену міфопоетичну домінанту, а також про контекстуальну неподільність фольклорно-обрядового та церковно-біблейського дискурсів.

Ключові слова: *концепт, концептний словник, метатекст.*

Звегинцова М.Е. Взаимообращение фольклорно-обрядового и церковно-библейского дискурсов в стихотворении «Успение» О. Седаковой. В статье произведен анализ стихотворения «Успение» (1974), представляющего цикл «Из ранних стихов» (1967–1975) О. Седаковой. Сделаны выводы по поводу ранней сформированности концептного словаря лирики О.А. Седаковой, имеющего явно выраженную мифопоэтическую доминанту, а также по поводу контекстуальной нерасчленимости фольклорно-обрядового и церковно-библейского дискурсов.

Ключевые слова: *концепт, концептный словарь, метатекст.*

Zvegintsova M.E. On the Mutual Reference of the Folk Ritual Discourse and Biblical and Ecclesial Discourse in 'Assumption' by O. Sedakova. The article presents an analysis of 'Assumption' (1974), a poem from the collection 'From Early Poems' («Из ранних стихов») (1967–1975) by O. Sedakova. Conclusions are drawn on the early formation of concept vocabulary of O. Sedakova's lyric poetry with a marked mythopoeic dominant; and on the contextual indivisibility of the folk ritual discourse and biblical and ecclesial discourse.

Keywords: *concept, concept vocabulary, metatext.*

Настоящая статья посвящена изучению мифопоэтического начала лирики О. Седаковой. Существенное внимание по отношению к данной теме в своей диссертационной работе проявила Н. Медведева в связи с циклом «Старые песни» [2:271–288]. Концептуальным центром указанного раздела оказалась диалогичность жанрового механизма поэтической книги «Старые песни».

Задачей же данной статьи является не столько исследовательская дешифровка аллюзивно-стилистического присутствия фольклорно-обрядовой образности, сколько рассмотрение смыслообразовательных импульсов, возникающих именно благодаря общему мифопоэтическому знаменателю самого концептного словаря поэзии О. Седаковой. Цель статьи представляется в прояснении взаимодействия различных уровней семиозиса: как потенциально данного в самом устройстве поэтики, так и привнесенного интертекстуально.

Объектом анализа является, прежде всего, взаимодействие фольклорно-обрядового и церковно-библейского дискурсов в стихо-

творении «Успение», представляющего предмет исследования данной статьи.

В стихотворении «Успение» мотив пути/движения актуализируется через семантику выхода в иное пространство. Причем интенсификация сюжетобразующей ситуации выхода происходит за счет апеллирования сразу к двум дискурсам: церковно-библейскому и фольклорно-обрядовому: «О прошедшем ни слова. Но, сердце, куда мы пойдем/ из гостей запоздалых, из темной целебной теплицы?/ Под ресницами воздух и ветер и небо, как перед дождем./ И сбегается свет, но по имени кликнуть боится./ И выходит она в задохнувшийся, плачущий луг,/ молода, молода, словно холод из жерла колодца./ И слабеет трава, и непраздных касается рук./ и почти у плеча драгоценная ноша смеется./ Задыхается луг, и немеет, и сходит с ума/ и, цепляя за локти ее, требует, как милость,/ боль и легкую смерть и забвение. Только она/ наклоняться к цветам и венки заплетать разучилась./ Значит, стоило молча сучить непомерную нить,/ чтобы здесь, перевив с повилой и диким укропом, / удержаться от жиз-

ни и, в слезах задыхаясь, обвить/ эти щиколотки, эти узкие пыльные стопы» [5:39].

Прежде всего, следует обратить внимание на специфику трансформации библейского претекста: на смещение точки рецепции от внешнего ко внутреннему, метафизическому событию. Об Успении Пресвятой Богородицы, представленном в качестве выхода из одного пространства в другое, говорится не столько описательными, сколько суггестивными методами. Как в фольклорно-магических текстах, наделенных наивысшей степенью суггестивности, на семантическом уровне в этом стихотворении особую значимость приобретает вертикаль «здесь и сейчас», пронизывающая профанный хронотоп, а на синтаксическом уровне – отвечающая этой вертикали лексика, близкая к повелительно-му наклонению: «О прошедшем ни слова. Но, сердце, куда мы пойдем/ из гостей запоздалых, из темной целебной теплицы?» Если последние слова можно рассматривать как произносимые от лица Богородицы, то две срединные строфы стихотворения, следующие за фразой: «И выходит она в задохнувшийся, плачущий луг», – могут соотноситься лишь с такой точкой рецепции, которая является внешней по отношению к Богородице, но все-таки внутренней по отношению к пространству, в которое совершается переход. Нарративная позиция последней строфы может рассматриваться и как тождественная позиции первой строфы (говорение от лица Богородицы), и как аккумулирующая и предельно размыкающая рецептивные возможности всех предыдущих строф стихотворения: «Значит, стоило молча сучить непомерную нить,/ чтобы здесь, перевив с повиликой и диким укропом,/ удержаться от жизни и, в слезах задыхаясь, обвить/ эти щиколотки, эти узкие пыльные стопы». В иконографической традиции изображения Успения Пресвятой Богородицы душа Богородицы обычно представляется в виде младенца, находящегося на руках Иисуса Христа, ср.: «и почти у плеча драгоценная ноша смеется». Кроме того, изображение Спасителя с младенцем Богородицей на руках может восприниматься как зеркальное по отношению к традиции изображения Пресвятой Богородицы с младенцем Иисусом.

В качестве еще одной цитаты из церковно-богослужебной практики предстает указание на «непраздность» рук Богородицы: «И слабеет трава, и непраздных касается рук,/ и поч-

ти у плеча драгоценная ноша смеется». Если обратиться к труду О. Седаковой «Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы», то можно найти такие определения: «**Праздный 1.** *пустой, незаполненный [...]; 2. лентяй, не желающий работать [...]; 3. пустой, бессмысленный [...]*» [4:263] и «**Непраздна** *беременная [...]*» [4:201]. Таким образом, упоминание о «непраздности» рук Пресвятой Богородицы напрямую связано с упоминанием о «драгоценной ноше». Как видно, посредством вышеупомянутой интертекстуальной отсылки может реализоваться очередной инвариант типологического для лирики О. Седаковой мотива усиленного, усердного заполнения пустоты, ср. «И если пустот не заполнит/ твой запах, твой шаг во дворе [...]» [5:18]. Как видно, движение приобретает вещественную силу – потенцию к переорганизации пространства.

В данном же стихотворении движение (или выход) осуществляется навстречу четко заданному ориентиру: «чтобы здесь, перевив с повиликой и диким укропом,/ удержаться от жизни и, в слезах задыхаясь, обвить/ эти щиколотки, эти узкие пыльные стопы». Причем именно этот ориентир задает ценностное напряжение всего стихотворения. Имплицитная аллюзия к евангельской теме Голгофы и церковной традиции изображения распятия указывает на интенсивность напряжения, неотъемлемого от метафизического движения (или выхода), которое образует сюжет данного стихотворения. Кроме того, вполне возможным становится прочтение этого движения/ выхода как взаимонаправленного действия, ср.: «И выходит она в задохнувшийся, плачущий луг» и «обвить/ эти щиколотки, эти узкие *пыльные* стопы» (курсив мой).

Если евангельские мотивы эксплицируются и посредством названия («Успение»), и посредством указанных аллюзивных включений, то идентифицировать саму поэтико-образующую семантику стихотворения оказывается возможным лишь в случае прочтения данного стихотворения в свете авторского метатекста. Так, например, происходит обращение к некоторым типологическим концептам лирики О. Седаковой, так или иначе соотносящимся с семантикой смерти: «свет», «вода» («дождь»), «луг». К тому же, суггестия атмосферы удушья осуществляется не только за счет обращения к стилистике пейзажа, но – главным образом – за счет символической интерпретации этого пейзажа.

В качестве репрезентантов метафизического выхода «из гостей запоздалых, из темной целебной теплицы» в «задохнувшийся, плачущий луг» на лексическом уровне можно рассматривать следующие слова и словосочетания: «как перед дождем», «задохнувшийся», «плачущий», «слабеет», «задыхается», «немеет», «сходит с ума», «в слезах задыхаясь». Все эти лирические повторы, интенсифицирующие происходящее событие, можно рассматривать как обращение к фольклорно-обрядовой традиции, связанной с представлениями о душе: «Сами именованія дух, душа, пар указывают на отождествление «духовного начала» с дыханием. Душа покидает тело с последним вздохом – или с последней слезой [...] Отождествление «выхода души» с «выкатыванием слезы» [...] говорит о представлении души как зрительной силы [...]». В связи с «душой»-дыханием и «душой»-слезой см. обрядовые акты кидания земли в могилу, *подышав* на нее (блг.), или же бросание туда «слезных платков» (с.-рус.)» [3:61–62]. Свидетельства в пользу родственности семантики смерти и постепенного истощения запаха предлагают авторитетные работы В.Н. Топорова («Конные состязания на похоронах» [1:21] и «Заметка о двух индоевропейских глаголах умирания» [1:52]) и Вяч. Вс. Иванова («Реконструкция структуры символики и семантики индоевропейского погребального обряда» [1:9]).

Что же касается самого пространства луга, то оно является метатекстуально соотносимым с типологической темой метафизичности пейзажа в лирике О. Седаковой (особенно с циклами «Сюита пейзажей», «Китайское путешествие» и некоторыми стихотворениями, входящими в другие циклы). Здесь же метафизическая топика приобретает значение мистеральности и даже сакральности, так как речь идет не просто о событии смерти, но о необходимости прохождения через смерть центральных евангельских лиц (Богородицы и Христа). Семантика луга интертекстуально включает в себя также памятование о Елисейских полях, где обитают души усопших. Степень универсализации такой мировоззренческой модели довольно широка: «Представление о душе умершего, находящейся на лугу вместе со стадом домашних животных, подвергшихся кремации вместе с покойным, достоверно восходит к ранне-скотоводческим религиозным воззрениям индоевропейцев» [1:10]. Таким образом, вклю-

чение общеиндоевропейского представления о загробном мире как о «пастбище, на котором пасутся души скота и жертвенных животных» [1:5–6] значительно расширяет мифопоэтический фон данного стихотворения.

Обращает на себя внимание активность действующих сил, которую нельзя объяснить лишь как прием антропоморфизации природных начал: «сбегается свет, но по имени кликнуть боится», «задохнувшийся, плачущий луг», «слабеет трава, и непраздных касается рук», «задыхается луг, и немеет, и сходит с ума/ и, цепляя за локти ее, вымогает, как милость,/ боль и легкую смерть и забвение». По всей вероятности, в данном случае «луг» вполне соотносим с категорией «множественно-единичности», поэтому «луг» – это и пространство, в которое совершается переход, и активный «множественно-единичный» участник этого перехода, и событие, подчиняющее своей логике в него попадающий субъект: «чтобы здесь, перевив с повилкой и диким укропом,/ удержаться от жизни и, в слезах задыхаясь, обвить/ эти щиколотки, эти узкие пыльные стопы». Так, в последней строфе Богородица уподобляется тому ценностному «множественно-единичному» пространству, в которое переходит: уже она (как действующий субъект) задыхается, плачет и обвивает, то есть совершается перенос целого (множественности) на его часть (единичность).

Однако, поскольку образ Богородицы по самой своей сути предполагает такие ценностные коннотации, как жертвенное ходатайство, заступничество перед лицом Бога (см. «Хожение Богородицы по мукам»), то вышеуказанные дефиниции «луга» могут транслироваться на человечество в целом или на отдельных его представителей (см. «Луг духовный» Иоанна Мосха). Так, семантика смерти/ сна/uspения/ пути/ выхода в другое пространство усложняется отсылкой к церковно-православной традиции, связанной с представлением об испытаниях (мытарствах), которые проходит душа, и с христианской идеей неоставления/ поминовения/ спасения усопшего.

Таким образом, за счет взаимоуплотнения евангельского и обрядово-мифологического дискурсов, в данном стихотворении обнаруживается множество уровней прочтения семантики «луга», например: во-первых, «луг» в буквально-словарном эквиваленте, с заданными этим эквивалентом свойствами травя-

ной растительности (вянуть, издавать перед дождем запах и т.п.); во-вторых, «луг» как обитель душ умерших; в-третьих, «луг» как то, что соотносится с концептообразующей категорией «множественно-единичность», где метонимическими представителями целого могут оказаться как «повилика» и «дикий укроп», так и сама Богородица; в-четвертых, «луг» как человечество, находящееся в активном взаимодействии с сакральным (ср.: «вымогает, как милость,/ боль и легкую смерть и забвение»); и в-пятых, «луг» как топика постепенного истощения-умирания (о запахе/ дыхании), отказа от жизни.

Стихотворение «Успение» показательно своей принадлежностью к самому раннему циклу, представленному в наиболее полном авторском сборнике «Стихи» [5]. В этом

смысле рассматриваемый текст является инвариантным доказательством ранней сформированности ядра концептного словаря лирики О. Седаковой, прочитываемой здесь как единый текст. Так, в данном случае семантическая ситуация интенсифицированной диалогизации жизни и смерти реализуется за счет таких категорий, организующих «множественно-единичное», живое пространство, как, например, «луг», «вода» («дождь»), «свет». Обращение к другим стихотворениям рассматриваемого цикла, несомненно, предоставит более полный материал для концептного словаря исследуемого метатекста. Здесь же важно отметить солидарность фольклорно-обрядового и церковно-библейского дискурсов, их принципиальную обращенность к одному и тому же событию.

Литература

1. Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд : сб. ст. / Под ред. Вяч. Вс. Иванова и Л.Г. Невской. — М. : Наука, 1990. — 256 с.
2. Медведева Н. Поэтическая метафизика И. Бродского и О. Седаковой в контексте культурной традиции [Электронный ресурс] / Наталья Медведева. — Режим доступа: http://lib.udsu.ru/a_ref/07_12_001.pdf
3. Седакова О. «Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян» / Ольга Седакова. — М. : «Индрик», 2004. — 320 с.
4. Седакова О. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. — М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2008. — 432 с.
5. Седакова О. Четыре тома. Том I. Стихи / Ольга Седакова. — М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. — 432 с.

УДК 821.161.1–3Гаврилов

Т. А. Шеховцова

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Функции интертекстуальности в повести А. Гаврилова «Вопль впередсмотрящего»

Шеховцова Т. А. Функції інтертекстуальності в повісті А. Гаврилова «Вопль того, хто дивиться вперед». У статті розглядаються інтертекстуальні зв'язки і функції інтертексту в повісті А. Гаврилова «Вопль того, хто дивиться вперед». Показано, що інтертекстуальні посилання істотно прояснюють авторську концепцію та її генезис, підсилюють екзистенційний зміст, акцентують есхатологічну проблематику, добувають образ оповідача. Претексти утворюють єдине смислове поле, що організується наскрізними мотивами і становить другий змістовний план повісті.

Ключові слова: *інтертекст, інтертекстуальність, екзистенційний зміст, есхатологічні мотиви.*

© Шеховцова Т. А., 2012